

**ЛЮБОВЬ
ВНЕЗЕМНАЯ**

МАРИНА
ЕФИМИНЮК

**ПОКА СМЕРТЬ
НЕ РАЗЛУЧИТ НАС**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ефиминюк, Марина.

Е91 Пока смерть не разлучит нас : [роман] / Марина Ефиминюк. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Любовь внеземная).

ISBN 978-5-17-116906-0

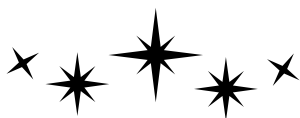
Почему меня никто не предупредил, что брачных клятв нельзя давать даже в шутку? Иначе на собственной свадьбе можно выяснить, что уже замужем. И за кем? За первой любовью! Нам надо срочно развестись! Проблема в том, что он знать меня не хочет, имени слышать не желает и помогать не собирается. Остается убедить. Или заставить...

Ведь ни один мужчина не выдержит войны с собственной супругой! Главное, не влюбиться в неотразимого негодя заново.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116906-0

© М. Ефиминюк, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ПРОЛОГ

Так много нелепых запретов!
Не говорить громко.
Не бегать.

Не показывать эмоции, а еще лучше — не позволять себе никаких эмоций.

Не иронизировать. Даже мысленно. Сарказм и ирония выводят родовитых эсс из состояния ледяных статуй, а живые человеческие чувства на женских лицах, хорошеньких или не очень, совершенно неприемлемы.

Не влюбляться в того, кто не является твоим женихом по договоренности родителей. В него желательнее тоже не влюбляться. Чистокровной эссе немислимо испытывать нежные чувства к подлецу, вынуждающему ее как минимум один раз в жизни мучиться в родовых схватках.

Не сходить с ума от риорца Доара Гери, способного расплавить здравый смысл эссы, точно свечной воск. Нельзя по первому зову нестись по коридорам Эсхардской академии магии, наплевав на манеры, любопытные взгляды студентов, необходимость «держаться лицо» — абсолютно на все, что в меня с раннего детства безуспешно вколачивала маменька. Какое, к хвостатым демонам, лицо? Ря-

дом с Доаром я могла держать разве что равновесие. Да и то с переменным успехом.

Если бы я умела летать, то на крыльях вознеслась бы на чердак южной башни и сэкономила время, но пришлось преодолеть сотню каменных ступенек. Запыхавшаяся, с гулко стучащим сердцем, я оперлась о стену и перевела дыхание. Прошептала слово — и на каменной кладке вспыхнул зеленоватый запирающий знак.

— Откройся, — произнесла я на колдовском языке и приложила ладонь к символу.

Стена мигом превратилась в низенькую дверь. Даже мне, девушке среднего роста, приходилось пригибаться, чтобы не приложиться макушкой о притолоку. Я не вошла, а скорее пролезла. Нагромождение старых ученических парт и разломанных стульев окутывала темнота. Из глубины пробивался едва заметный проблеск света.

— Доар, ты здесь? — позвала я.

— Иди сюда, ледышка! — крикнул он из глубины чердака. — Смотри, что я нашел.

Он стоял возле самой настоящей венчальной чаши, будто украденной из храма Святых Обещаний. Пыльная золотая емкость на длинной ножке, оплетенной искусно выкованной лозой анатии — цветка, который в Эсхарде традиционно считают свадебным.

— Откуда в академии венчальная чаша? — Я рассматривала посудину, но ни в коем случае не парня. Высокий, широкоплечий, короткие темные волосы, сохранившийся с лета протестский загар. Доар никогда не улыбался, только ухмылялся, едва заметно дергая уголком рта. В зеленых глазах его таилась на-

смешка. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой, беззащитной и очень глупой.

Стараясь избавиться от чудовищной неловкости, каждый раз возникающей в его присутствии, я сунула руки в пустую чашу и принялась дурачиться:

— Аделис Хилберт, клянётесь ли вы провести рядом с Доаром Гери вечность, пока смерть не разлучит вас? Я должна хорошенько подумать, уважаемые светлые боги, — перешла я на писклявый фальцет, — может так статься, что через пять минут, как мы вытащим руки из венчальной чаши, мне захочется его заморозить. Ведь это будет чуточку странно: прикончить мужа сразу после брачной церемонии?

Неожиданно мои губы накрыл поцелуй. Я оцепенела и вытаращилась на Доара. Вблизи его лицо выглядело искаженным и смешным. Дыхание пахло мятой. Он отстранился, на шее дернулся кадык. Зеленые глаза потемнели. Эмоции, отразившиеся в них, и пугали, и завораживали одновременно.

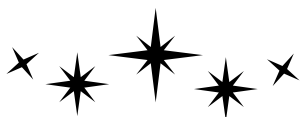
— Люблю тебя, Лис-са! — хрипловатым голосом, на риорский манер растягивая последний слог в имени, вымолвил он. — Ты рвешь меня на части...

Так много нелепых запретов!

Не влюбляться в парня, от которого следует держаться подальше. По возможности не дышать с ним одним воздухом.

Не дарить невинность тому, с кем никогда не опустишь руки в воду венчальной чаши.

И главное, не обманываться, что чувства продлятся вечность, пока смерть не разлучит вас.

ГЛАВА 1

НЕ ВСЕ БРАКИ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ НА НЕБЕСАХ

Свадьба задалась у всех, кроме невесты. Знаки недвусмысленно намекали, что мне следовало подхватить юбки и умчаться галопом в густой туман.

С рассвета зарядил дождь, и не просто легкая морось, а настоящий ливень! По стеклянному куполу храма Святых Обещаний скатывались неопрятные ручейки. Я всегда считала, что начинать новое дело в непогоду — дурная затея, но три сотни гостей, собравшихся на наш с Гидеоном Анкелем венчальный обряд, явно не разделяли этого во всех отношениях здорового утверждения.

Зал, как и положено, украсили традиционными анатиями. Золотые венчики испускали яркий навязчивый аромат, в воздухе кружилась мерцающая пыльца. Если бы выдался солнечный день, то от красоты даже обрядник потерял бы дар речи, но шел дождь. А у меня, вероятно единственной женщины в Эшхарде, во время обряда неожиданно обнаружилась аллергия на анатии. С гордо поднятой головой я шагала к венчальной чаше и меч-

тала о мелочах, недоступных невесте: чихнуть, сморкнуться в кружевной платочек (можно в тряпочку), и самую малость — сбежать с собственной свадьбы.

Гидеон по случаю венчания сменил светский костюм на традиционные эсхардские одежды. В остальном выглядел как обычно: платиновые волосы причесаны волосок к волоску, руки сцеплены за спиной, от ледяной статуи его отличает только вежливый интерес в синих глазах. В общем, истинный эсс. Дети у нас наверняка получатся такими же беленькими, бледненькими, родовитыми и магически одаренными.

— Моя дорогая Аделис, вы бесподобны в венчальном наряде, — произнес он с едва заметной улыбкой и поцеловал мне пальчики. Руки у него тоже были как у ледяной статуи — холодные.

— Благодарю, — фальцетом, с трудом сдерживая чих, промычала я в ответ.

За спиной прокатилась волна затухающих восхищенных шепотков, а потом заговорил обрядник.

— Возлюбленные богами, — начал он, — вы пришли в храм по собственной воле..

Подозреваю, в этом зале только служитель не знал или делал вид, будто не знал, что о нашем с Гидеоном Анкелем браке договорились родители еще в то время, когда я лежала в колыбели и не имела возможности протестовать. Не представляю, как эсса Анкель, его матушка, решилась взять «кота в мешке». Вдруг будущая невестка выросла бы страшненькой или вместо синеглазой эссы им бы досталась девушка, зеленоглазая, как риорка?

Почему на собственной свадьбе мне пришло в голову думать о Риоре, родине всех негодяев, паршивцев и мерзавцев?!

Я перестала слушать обрядника и сосредоточилась на том, чтобы не шмыгать носом, по крайней мере, не очень громко. Интересно, если заморозить злосчастные цветы, я почувствую себя хотя бы половинкой человека?

— А теперь опустите руки в воду венчальной чаши, — объявил служитель богов.

Золотую посудину наполняла черная жижа, покрытая глянцевой пленкой, и в ней отражался храмовый свод. Я покосилась на будущего мужа. С каменным лицом он решительно погрузил пальцы в священную чашу. Даже мускул на лице не дрогнул, и кадык от нервического напряжения не дернулся. Я всегда считала, что мужчины волнуются во время обряда ничуть не меньше женщин, но Гидеона Анкеля родили с заглушкой, запирающей любые эмоции, кроме недовольства. И то выражалось едва заметным поджиманием губ.

Светлые боги, если вы не хотите, чтобы я вышла замуж за кусок айсберга и превратилась в мать маленьких синеглазых сосулек, то самое время что-нибудь предпринять. Предлагаю обрушить потолок.

Я вздохнула, опустила руки в чашу... и меня ударило мощным магическим разрядом. Из груди выбило воздух, в глазах потемнело, а цветы на платье мигом съежились. К стене не отлетела только благодаря жениху, проворно схватившему меня за плечи.

К несчастью, в борьбе за равновесие невесты не устояла венчальная чаша. Посудина закачалась на

длинной ножке, как корабельная мачта. Обрядник попытался спасти реликвию, но сила притяжения победила. Чаша с грохотом перевернулась, и на мраморные плиты выплеснулась черная вода.

— Ой, — испуганно пролепетала я в ошеломленной тишине и очень громко чихнула.

Золотые свадебные анатии начали стремительно вянуть и превращаться в прах, осыпаясь на головы людей. Гости отмерли и возбужденно загалдели, словно стая ворон.

— Аделис? — призвал меня к ответу Гидеон.

— У меня аллергия на цветочную пыльцу, — выпалила я.

— Я про это!

На моем левом предплечье, от сгиба локтя до запястья, тянулся цветочный орнамент, словно нанесенный черной тушью. Закручивалась лоза, развернулись листья, появились крепкие бутоны. Слово, которое я пробормотала, приличная эсса не имела права знать, но оно очень точно отразило размах происходящего абсурда.

— Святой брат, что происходит? Это ведь проклятие? — подскочила мама. — Как вы допустили, чтобы мою дочь прокляли в светлом храме во время свадебного обряда?!

— Уважаемая эсса, откройте пошире глаза, — взбеленился обрядник, и матушка, без преувеличений, пошла красными пятнами. — Это не рисунок проклятия, а брачная метка! Ваша дочь повенчана!

— С кем?! — изумленно в три голоса уточнили мы. Другие теперь сомневались, но я-то точно знала, что с утра проснулась незамужней.

— Определенно не с ним, — святой брат ткнул пальцем в Гидеона, выразительно поджимающего губы. Глядя на эту побелевшую узкую полосу вместо рта, становилось очевидным, что внутри он кипит от гнева. Изумительная выдержка. Я бы давно пнула перевернутую венчальную чашу, а заодно и невесту, поставившую одну из древнейших чистокровных семей Эсхарда в наиглупейшее положение.

— Какой позор! — прозвучал тихий голос эссы Анкель, и с ней было сложно не согласиться.

Все! Пришло время рухнуть в красивый обморок. Возможно, меня даже поймают и не дадут разбиться о мрамор. Однако сознание оставалось ясным и мутнеть не собиралось. В голове крутилась совершенно абсурдная мысль, что светлые боги страдают глухотой и отсутствием чувства юмора. Я же просила обойтись малой кровью и всего лишь обрушить крышу храма. Зачем громить всю мою жизнь?..

Из храма мы вернулись в гробовом молчании. Домоправительница Руфь открыла дверь и испуганно посторонилась, когда матушка с непроницаемым видом, но с проворностью ядовитой виверны, намекавшей, что она в ярости, ворвалась в дом. При виде меня в свадебном платье, перешагивающей порог, Руфь испуганно прошептала:

— А брачный обряд?

— Закончился.

— А почему ты здесь, а не в доме мужа? — Она указала пальцем на изрисованную лозами анатии руку.

— Понять бы, где он, — вздохнула я, потеряв рисунок ладонью. К сожалению, кожа покраснела, а брачный орнамент остался.

— Дом?

— Муж.

Из глубины комнат раздался звон бьющейся посуды.

— Идэйский фарфор! Добралась! — всплеснула полными руками домоправительница.

Мы бросились в небольшую столовую, примыкающую к кухне. Матушка стояла возле открытой посудной горки и с каменным лицом истинной эссы швыряла на пол тарелки из тонкого идэйского фарфора, доставшиеся ей по наследству. Паркет усеивали белые черепки с золотой каемкой. Звяк! Бах! Пронзительно и громко, даже сердце екало. А на лице матери ни мускул не дрогнет, ни глаз не дернется.

Двумя руками она схватилась за объемную посудину с золотой каемкой, и Руфь выкрикнула страшным голосом:

— Только не супницу!

Домоправительница обладала добротным телосложением и была горласта. Ей удалось с первого раза пробиться к сознанию неистовствующей хозяйки. Матушка вернула миску на полку, аккуратно закрыла стеклянные дверцы, а потом с мрачным видом направилась в сторону моей мастерской.

— Мама, не надо! — тихо попросила я.

— Надо, Аделис, — величественно оглянулась она, — надо...

Созданием ледяных скульптур я увлеклась еще в Эсхардской академии на уроках изящных ис-

кусств, а после интерес и вовсе превратился в магию. Матушка считает это занятие недостойным воспитанной девицы, но чистокровные эссы — маги воды, изменчивая стихия не просто подчиняется нам, а рассказывает тайны прошлого и открывает образы, запечатленные в воде. В моих руках «поет» лед, да и за статуэтки, на счастье, платят золотыми синами.

Только деньги и святая убежденность, что после замужества дочь перестанет «морозить» руки, примиряли хранительницу семьи Хилберт с осознанием, что из меня вышло «не пойми что и сбоку бантик», а не воспитанная аристократка. Кстати, вплетенные в волосы золотые ленты расплзлись и неряшливо свесились у правого уха. Пришлось их завязать чахлым бантиком...

Мастерская занимала небольшую комнатку в задней части дома. Когда матушка рванула дверь, то в лицо ей пахнуло холодным воздухом. Находиться в помещении в открытом платье было, мягко говоря, прохладно, но она переступила через порог. Готовые статуэтки окружали воздушные ледяные коконы, тускло мерцавшие в полумраке.

Мстительно сузив глаза, разрушительница нацелилась на танцовщицу, изогнутую под немыслимым для негибкой девицы углом, и сделала решительный шаг к подставке.

— Только не танцующую нимфу! — выкрикнула я. — Ее уже оплатили.

Траектория движения мамы резко поменялась в сторону изящного цветочного куста из льдистых пластинок.

— И за это тоже заплачено! — испугалась я.

— Ты торговка или творец? Даже нечего поколотить! — возмутилась она.

Главное, чтобы ей не пришло в голову поколотить меня...

— Там осталось чуточку фарфора, — любезно подсказала я и услышала возмущенный выдох Руфи, крайне несогласной с тем, чтобы отдать на растерзание нежно любимый ею сервиз.

Однако битье тарелок мама считала не столь наглядным проявлением силы гнева, как уничтожение ледяных статуй. И напрасно! Она потянулась к первой неоприходованной фигуре, больше всего походившей на камень с выдолбленным носом. Глыба должна была стать гномом, смешным и милым, не попади она в поле зрения тихо бесившейся эссы. Матушка бы его растопила, но эшардцам магия огня решительно не подчинялась, наша стихия — вода и лед.

От прикосновения теплых рук магический кокон лопнул. К потолку вознеслись веселые светящиеся пузыри, где и принялись лопаться с характерным звуком. Мстительница стащила ледяную заготовку с подставки, но недоделанный гном был увесист... Безмолвный погром закончился логично и вполне ожидаемо. От непомерной тяжести непоколебимая, несгибаемая и гордая эсса Хилберт получила плебейский прострел поясницы!

— Боги! — охнула она и выронила фигуру себе на ногу.

Отличавшийся повышенной прочностью гном выстоял — лед я морозила на совесть, чтобы не крошился во время работы, а вот нога в изящной туфельке — нет. Мама побледнела от боли, но не по-